

иждивенцев не превышало 14,2 и 84,2 % в рабочей среде и 13,5 и 82,2 % среди служащих.

Следует признать, что православным прихожанам г. Нижнего Тагила уже в 1920-е гг. были свойственны все те особенности, которые советская социология спустя десятилетия считала отличительными признаками верующих в СССР (12). В свою очередь, это приводит нас к той мысли, что грандиозные изменения в сфере массовой религиозности небывальными темпами шли еще до начала великого сталинского наступления на религию 1930-х гг.

1. См.: Дулуман Е.К. Современный верующий. М., 1970; Конкретные исследования современных религиозных верований (Методика, организация, результаты). М., 1967; Яблоков И.Н. Социология религии. М., 1979.
2. Сколько верующих в России? // <http://religion.sova-center.ru/>
3. Веремчук В.И. Социология религии. М., 2004. С. 199.
4. Исторический архив г. Нижнего Тагила (ИАНТ). Ф. 70. Оп. 2. Д. 9. Л. 93-100, 170-174.
5. ИАНТ. Ф. 211. Оп. 1. Д. 75. Л. 6 об.-9; Д. 80. Л. 231-243.
6. ИАНТ. Ф. 70. Оп.2. Д. 135. Л. 542.
7. Здесь и далее численность и состав прихожан рассчитаны по: ИАНТ. Ф. 70. Оп. 2. Д. 135. Л. 196 об.; Д. 9. Л. 170-174; Ф. 211. Оп. 1. Д. 80 Л. 231-243; Д. 176 б. Л. 16-31.
8. ИАНТ. Ф. 70. Оп.2. Д. 135. Л. 542.
9. Ф. 70. Оп. 2. Д. 30. Л. 121 об.
10. Здесь и далее данные по составу населения г. Нижнего Тагила и Уральской области рассчитаны по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отдел I. Народность. Язык. Возраст. Грамотность. Отдельный оттиск табличной части. Т. IV. М., 1928. С. 286; Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Отдел II. занятия. Отдельный оттиск табличной части. Т. XXI. М., 1929. С. 122-123, 420-421.
11. Дулуман Е.К. Указ. соч. С.37.
12. Флетчер У. Советские верующие // СОЦИС. 1987. № 4. С. 29.

Воробьев С.В.
(Екатеринбург)

Социальная структура РКП(б): теоретические взгляды и реальная практика начала 1920-х гг. (на примере Екатеринбургской губернии)

На динамику социального состава РКП(б) в дореволюционный период и в первые послереволюционные годы оказывали влияние различные факто-

ры, но доминирующим, постоянно действующим фактором являлись теоретические представления партийных лидеров по данному вопросу.

Теоретические представления относительно социального состава партии сформировались у лидеров большевизма еще в дореволюционные годы. Эти представления опирались на идейную доктрину марксизма. Так, В.И. Ленин в сентябре 1905 г. писал, что основу партии должны, безусловно, составлять рабочие: “Городской и промышленный пролетариат неизбежно будет основным ядром нашей социал-демократической партии” (1). Более радикальную позицию по этому вопросу занимал Л.Д. Троцкий. Он высказал мысль о том, что диктатура пролетариата станет возможна лишь тогда, когда “социал-демократическая партия и рабочий класс [...] будут наиболее близки к отождествлению” (2).

Таким образом, партийные лидеры, следуя основным постулатам марксизма, связывали свои надежды на революционные изменения в России с пролетариатом. Основатели и идеологи марксизма К. Маркс и Ф. Энгельс видели в пролетариате наиболее организованный, передовой, сознательный и последовательно революционный класс современного европейского общества. Разделяя данное положение, российские социал-демократы, а позже и большевики, считали пролетариат революционным классом по определению, которому самой исторической судьбой было предназначено руководить всеми другими угнетенными группами в их политической борьбе с капиталом. Именно этот класс должен был стать ведущей силой грядущей мировой революции, которая отстранит от власти буржуазию. Но марксистская теория имела в виду в первую очередь промышленно развитые страны Европы. Россия же, хотя капиталистические отношения в начале XX века развивались в ней быстрыми темпами, имела отчетливо выраженную аграрно-индустриальную структуру экономики. Российский рабочий класс был небольшим, кадрового пролетариата почти не было. В 1917 году фабрично-заводской пролетариат — главная социальная база партии большевиков — составлял около 2,5% населения (3).

Но большевики, видели в пролетариате прежде всего реальный политический инструмент, ту ударную силу, которая способна сокрушить существовавший в России политический строй и привести их к власти. Они с успехом использовали этот потенциал пролетариата, но попали в историческую ловушку, совершив, вопреки основным положениям марксизма, “пролетарскую” революцию в крестьянской России.

В дореволюционных концепциях большевиков, и в первую очередь В.И. Ленина, связанных с социальным составом партии, не находилось места для крестьянства в их пролетарской партии. Они считали его, безусловно, мелкобуржуазным классом, которому чужды идеи коммунизма. Однако после событий первой русской революции 1905–1907 гг., в которой крестьянство проявило политическую активность и выдвинуло свои требования к

помещикам и правительству, большевики в лице В.И. Ленина скорректировали свое мнение относительно революционного потенциала российского крестьянства. Новый подход признавал данный социальный класс русского общества в качестве политического союзника пролетариата, но о возможности привлечения крестьян в большевистскую партию речь в этот период не велась (4).

После революции 1917 г., под влиянием политической ситуации в стране, тяжелого положения на фронте (а крестьяне составляли основную массу в Красной армии — 77 % (5)) взгляды лидеров РКП(б) претерпевают эволюцию. В результате коррекции доктрины партийного строительства их позиция меняется, они соглашались с тем, что социальная база партии может быть расширена за счет вступления в ее ряды определенных категорий крестьян. “В партию мы зовем, – заявлял в октябре 1919 года Ленин, – в широком смысле только рядовых рабочих и беднейших крестьян, крестьян-тружеников, а не крестьян-спекулянтов” (6).

Всё же доктринальные установки довели над руководством партии, и оно выступало против большого расширения рядов партии за счет непролетарских элементов. Тот же В.И. Ленин в декабре 1919 г. на VIII Всероссийской конференции РКП(б) говорил по этому поводу: “Партия должна быть узкой настолько, чтобы вбирать в себя вне рабочего класса только тех выходцев из других классов, которых она имеет возможность испытать с величайшей осторожностью” (7).

Таким образом, руководители коммунистической партии всеми силами стремились сохранить пролетарский характер партии, так как пролетариат являлся главной и наиболее надежной социальной опорой нового режима. Серьезную тревогу в связи с этим у большевиков вызывал процесс девальвации понятия “рабочий”. Размытость, неопределенность этого понятия привели к тому, что в партию начался наплыв людей, которые формально считались “рабочими”, а, по-сути, по своей социальной психологии являлись представителями непролетарских слоев и не обладали пролетарским сознанием. Как реакция на эти негативные тенденции со стороны партийного руководства предпринимаются попытки сформулировать четкие критерии понятия “рабочий”. В 1921 году, накануне партийной переписи, В.И. Ленин в связи с разработкой новых условий приема в партию предложил считать “рабочим” того, кто не меньше 10 лет работал на крупном предприятии “простым наемным рабочим и теперь работает не меньше 2–3 лет” (8). Это было очень завышенное и, как оказалось, невыполнимое на практике требование. Оно входило в противоречие с реальной ситуацией в русском рабочем классе в послереволюционный период.

В условиях послереволюционной действительности политическое руководство Советской России столкнулось с серьезной проблемой — “декласированием пролетариата”. В связи с гражданской войной, экономическими

трудностями в стране значительно сократилась численность российского рабочего класса, изменился его качественный состав. К 1921 г. число оставшихся на производстве рабочих составило всего 1 млн. человек против 3, 6 млн. в 1917 году (9). Часть рабочих, чтобы прокормиться, ушла в деревню и занялась сельским хозяйством, другие рабочие перешли на службу в партийно-государственный аппарат, многие погибли на фронтах гражданской войны. Так, например, в Петрограде численность промышленных рабочих с 1917 по 1920 год сократилась на 380 тыс. человек и их осталось всего около 80 тыс. (10). В то же время параллельно начался другой процесс — рабочий класс стал интенсивно пополняться выходцами из крестьян, из средних городских слоев. В 1922–1925 гг. рабочие-металлисты Ленинграда на 45% состояли из детей крестьян, служащих, кустарей, т.е. рабочих в первом поколении (11).

Уральский промышленный регион процесс “деклассирования пролетариата” затронул в меньшей степени. Если численность рабочих в ведущих индустриальных центрах страны уменьшилась в 6–7 раз, то на Урале сокращение было меньшим и составило в 1920 г. примерно 20% (12). Это было обусловлено особенностью рабочего класса Урала, которая заключалась в том, что многие рабочие традиционно имели собственный дом, усадьбу, земельные наделы и покосы (13). В условиях экономического кризиса начала 1920-х гг. уральские рабочие смогли в какой-то мере продержаться за счет собственного подсобного хозяйства, остаться на заводах и сохранить свою принадлежность к рабочему классу.

Революционная эпоха оказала существенное влияние на социальную структуру российского общества, она уничтожила или значительно сократила одни социальные классы и группы и выдвинула на первые позиции другие. Социальные катаклизмы этого исторического периода в жизни России не прошли мимо и самой большевистской партии — той политической силы, которая во многом способствовала этим изменениям. В первую очередь в послереволюционный период меняется социальный состав РКП(б).

Эти общероссийские процессы социальной трансформации нашли отражение в социальном портрете коммунистов Екатеринбургской губернии. Важную информацию по социальной динамике в партии содержат первичные материалы партийной переписи 1922 г. Они позволяют, с одной стороны, установить социальное происхождение членов партии, так как содержат сведения о социальном статусе его родителей и деда (табл. 1), а с другой — сопоставить его с социальным статусом коммуниста в начале 1920-х гг.

Данные табл. 1 показывают, что из всех социальных групп наибольший масштаб социальной мобильности наблюдается у коммунистов — выходцев из рабочей и крестьянской среды. Среди них больше всего процентная доля тех, кто сменил, по сравнению с отцами и дедами, свой социальный статус. Если до революции примерно каждый третий коммунист имел деда-

крестьянина и каждый второй коммунист отца-рабочего, то после революции только около 13% губернских коммунистов являлись по социальному положению рабочими и 15% – крестьянами.

Таблица 1

Социальное происхождение и социальный статус коммунистов Екатеринбургской губернии в 1922 г., %

социальная группа	дед коммуниста	отец коммуниста	коммунист
крестьянин	63,4	51,2	15,0
рабочий	28,9	35,1	12,9
ремесленник-кустарь	2,5	5,0	–
торговец, купец	0,8	0,4	–
служащий	2,5	4,9	16,7
священнослужитель	0,9	1,2	–
чиновник (руководитель)	0,9	1,7	37,1

Сопоставление социального происхождения и социального положения коммунистов на момент проведения переписи в 1922 г. дает лишь общие представления о социальной природе партии.

Анализ социального статуса коммунистов в динамике позволяет оценить направление и характер социальных изменений внутри партии на различных этапах ее существования. В связи с этим обратим внимание на то, представителями каких социальных групп и слоев являлись коммунисты Екатеринбургской губернии до 1917 года. Данные партийной переписи 1922 г. свидетельствуют, что представителями рабочего класса в дореволюционный период являлись 43% членов партии Екатеринбургской губернии. Большинство из них были квалифицированными рабочими. Вторую по численности группу составляли коммунисты, занимавшиеся в то время крестьянским трудом — 33,7%. К категории средних слоев (ремесленники-кустари, мелкие торговцы) принадлежало 10%, чиновниками и служащими государственного и частного сектора (занимавшимися конторско-канцелярским или физическим трудом) были 10,4% коммунистов губернии.

После революции произошли существенные изменения в социальном положении губернских коммунистов. Во-первых, среди них уже отсутствуют люди, которых можно было бы отнести к категории “средних слоев” общества, хотя в результате новой экономической политики большевиков в социальной структуре российского общества вновь возникает слой частных предпринимателей — “нэпманов” мелкой и средней руки. Однако, предста-

вители этого социального слоя вступить в коммунистическую партию возможности не имели, даже если у них возникало подобное желание. Партийное руководство занимало по этому вопросу однозначно жесткую позицию, заключающуюся в строгом соблюдении классово-чистой партийных рядов, ограждения РКП(б) от “мелкобуржуазного заражения”.

В то же время обращает на себя внимание тот факт, что в послереволюционный период в 3 раза сократилось число коммунистов-рабочих, непосредственно занятых на производстве — всего 13% от общего состава губернской организации. Численность коммунистов-крестьян сократилась в 2 раза по сравнению с 1917 г. (до 15%). С другой стороны, если до 1917 года чиновниками и служащими являлись лишь немногие члены партии (приблизительно 1/10 часть), то после Октября 1917 г. ситуация начинает кардинально меняться. К 1922 году в категорию “руководителей” в структурах новой власти входила уже 1/3 коммунистов губернии. Данная тенденция свидетельствует о том, что начинается процесс формирования нового правящего слоя советского общества, так называемой “номенклатуры”. Хотя этот новый социальный институт получил свое официальное оформление несколько позже — в ноябре 1925 г., когда Оргбюро ЦК приняло положение о порядке подбора и назначения работников и номенклатуру должностей. Российские историки Т.П. Коржихина и Ю.Ю. Фигатнер дали следующее определение номенклатуры: “Номенклатура — это перечень наиболее важных должностей в государственном аппарате и общественных организациях, кандидатуры на которые предварительно рассматривались, рекомендовались, утверждались и отзывались партийными комитетами — от райкома, горкома до ЦК партии” (14). Таким образом, номенклатура представляла собой управленческую группу, представители которой не выбирались, а назначались партийными органами. Надо отметить, что в состав номенклатуры, конечно же, включались и партийные работники.

С учетом того, что служащими различных партийно-советских учреждений и ведомств в 1922 г. являлись 18,7% коммунистов губернии получается, что партийная организация Екатеринбургской губернии в этот период наполовину состояла из руководящих работников разных уровней и служащих.

Большой интерес в плане выяснения характера и сущности социальной мобильности внутри партии в ходе революции и последующих лет вызывает изучение вертикальной мобильности, т.е. перемещение человека из одной социальной страты (класса, группы, слоя) в другую. Вертикальная мобильность проявляется с особой силой и приобретает важное значение именно в периоды кардинальных социально-политических потрясений. “Изучение вертикальной мобильности внутри политических стратификаций разных стран, — отмечал известный русский социолог П. Сорокин, — обнаруживает периоды особенно ярко выраженных перемещений. В истории

России такими периодами были: вторая половина XVI века — начало XVII века (правление Ивана Грозного и последующее междуцарствие), царствование Петра Великого и, наконец, последняя русская революция” (15).

При анализе вертикальной мобильности губернских коммунистов в 1917–1922 гг. необходимо обратить внимание на два момента: во-первых, на степень ее интенсивности у разных социальных групп, за счет которых формировалась партия, на отсутствие или наличие карьерного роста, его направление, и, во-вторых, на характер и тип карьеры (восходящая, нисходящая). В первом случае имеет смысл выделить минимальный и максимальный социальные статусы коммунистов. Минимальный статус характеризует наименьшую ступень социальной лестницы, а максимальный — наибольшую, которую мог занимать коммунист в период с 1917 по 1922 год. Причем необязательно, что переход от одного статуса к другому был последовательным, он вполне мог быть и скачкообразным.

Таблица 2

**Вертикальная мобильность коммунистов
Екатеринбургской губернии в 1917–1922 гг., %**

Социальное положение	Минимальный статус	Максимальный статус	Социальное положение на момент опроса
руководитель высшего звена	–	6,3	5,4
руководитель среднего звена	1,3	14,4	9,2
руководитель низшего звена	9,3	21,1	22,5
специалист	6,8	5,1	5,0
служащий	11,9	7,6	11,2
младший обслуживающий персонал	1,7	–	0,4
квалифицированный рабочий	21,2	3,8	10,0
неквалифицированный рабочий	7,2	1,3	2,9
ВОХР	5,1	3,0	4,6
военнослужащий (рядовой)	3,8	–	4,0
крестьянин	26,3	–	15
домохозяйка	3,0	–	2,1
учащийся, студент	2,1	0,8	4,2

безработный	0,4	–	3,3
-------------	-----	---	-----

Рассмотрим направление вертикальной мобильности у членов партии за период с 1917 по 1922 гг. Для этого выясним занятие каких статусных позиций являлось для них повышением социального статуса (табл.2). Как видно коммунисты Екатеринбургской губернии повышали свой социальный статус главным образом за счет перехода в категорию руководящих работников различных уровней власти (41,8%). Наиболее часто подъем на более высокую социальную ступень был связан с занятием должности в низовых органах власти и управления (21,1%). Это были, как правило, председатели и члены волкомов и волисполкомов, заведующие отделами этих волостных организаций, руководители сельсоветов и сельскохозяйственных артелей и т.п. Следующая по значимости группа — ответственные работники уездного уровня (14,4%), самой высокой социальной ступеньки — работников губернского масштаба — смогли достичь 6,3% коммунистов. Остальная часть губернских коммунистов сделала социальную карьеру в результате перехода в разряд специалистов (квалифицированных служащих) и служащих — 12,7%, а также рабочих — 5,1%.

Таким образом, удельный вес рабочих и крестьян по социальному положению на начало 1922 г. в составе губернской организации РКП(б) сократился, главным образом, за счет их перехода в категории номенклатурных работников и служащих партийно-государственной сферы. Хотя в большей степени это явление коснулось рабочих и в меньшей — остальных социальных групп. В связи с этим можно сказать, что лицо губернского коммуниста все более приобретало номенклатурно-бюрократические черты, утрачивая рабоче-крестьянские.

1. Ленин В.И. Отношение социал-демократии к крестьянскому движению // Полн. собр. соч. Т.11. С. 223.
2. Цит. по: Второй съезд РСДРП. Июль-август 1903. Протоколы. М., 1959. С.136.
3. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1995. С.356.
4. Ленин В.И. Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе // Полн. собр. соч. Т.15. С.134.
5. Левин М. Гражданская война: Динамика и наследие // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С.274.
6. Ленин В.И. Государство рабочих и партийная неделя // Полн. собр. соч. Т.39. С. 225.
7. Там же. С.361.
8. Ленин В.И. Письмо П.А. Залуцкому, А.А. Сольцу и всем членам Политбюро о чистке партии и условиях приема в партию (19 дек. 1921) // Полн. собр. соч. Т.44. С.283.
9. Соколов А.К. Курс советской истории. 1917-1940. М., 1999. С.100.
10. Левин М. Гражданская война: динамика и наследие. М., 1994. С.257.

11. Лацис О. Перелом. М., 1989. С.147.
12. Фельдман В.В. О некоторых вопросах формирования рабочего класса на Урале // Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961. С. 306.
13. Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1974. С.7.
14. Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. №7. С.25.; см. также: Восленский М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
15. Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С.386-387.

**Гаврилов Д.В.
(Екатеринбург)**

**Завершение «промышленного переворота» на Урале:
80-е гг. XIX в. -1918 г.**

Проблема. Вопрос о завершении «промышленного переворота» (точнее – промышленной революции, основанной на технических достижениях XVIII – XIX вв.) на Урале в советской историографии в качестве самостоятельной проблемы не рассматривался. Время его завершения определялось противоречиво: С.Г. Струмилин называл 1860 г., В.К. Яцунский - конец 70 - начало 80-х гг. XIX в., П.Г. Рынзюнский - середину 80-х гг., Г.И. Осколков и Б.Л. Цыпин - 90-е гг. XIX в., Ф.П. Быстрых – 1917 г. (1).

В советской историографии промышленная революция XVIII – XIX вв. освещалась односторонне. Если западноевропейская и американская историография - П. Манту, А. Тойнби, У. Ростоу, Т. Эштон, Ф. Бродель и др. (2) - видела в ней одну из фаз всемирно-исторического развития человечества, один из циклов становления современной цивилизации, рассматривала ее как эволюционный процесс, как один из этапов модернизации общества, то советские историки 1950 - 1980-х гг., заменив понятие «промышленная революция» (вполне марксистское) термином «промышленный переворот», и считая оба эти термина равнозначными (в действительности между ними имеются весьма существенные различия), рассматривали его не как эволюцию, захватившую определенную эпоху, а именно как «переворот», как революционный социально-технический скачок, как краткий по продолжительности единовременный акт, связанный с определенными сдвигами в технике и отдельными техническими открытиями, вызвавшими крутые социальные перемены.

Всячески преувеличивая социально-политическое значение «промышленного переворота», понимая его именно как кратковременный скачок, советские историки сосредоточивали свое внимание на рубеже, с которого